

*Мария
Метлицкая*

МОСКОВСКИЙ
ВАЛЬС

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Метлицкая, Мария.
М54 **Московский вальс / Мария Метлицкая. — Москва :**
Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-242601-8

Когда-то Алена уехала из Москвы, оставив там не только первую любовь, но и самую трудную страницу своей жизни. Прошли годы: у нее семья, дом, взрослая дочь и муж, который всегда был рядом. Кажется, прошлое больше не властно над ней. Но возвращение в город юности заставляет снова пережить забытое. Тонкий роман о любви, боли, верности и цене однажды принятого решения.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242601-8

© Метлицкая М., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Часть первая

1

В тот вечер муж не вошел — влетел.

Алена с удивлением смотрела на его возбужденное радостное лицо. Что такое? Повышение в должности, прибавка в жалованье? Что может так возбудить и обрадовать спокойного, сдержанного человека?

Обычно он приходил усталым: что поделать, не мальчик. Хотя, чего там — всего-то слегка за пятьдесят, и все же годы брали свое. Алена, как умная и опытная жена, с вопросами не приставала. По крайней мере, первые час-полтора. Ждала, когда он придет в себя — плотно поест, выпьет кофе, пролистает газету, переберется на диван к телевизору, пощелкает пультом, повозмущается мировыми событиями, расстроится от плохих новостей (хороших теперь было мало), а уж потом обратится к ней:

— Аленка, ну что у нас нового?

«Аленка».

Иногда он звал ее так. Так, как звали ее в Москве — далекой, почти забытой Москве, — где она прожила свои самые счастливые и самые страшные дни: дни своего студенчества. Дни обретения новых друзей и нового, казалось, навеки любимого города. Самого красивого города на земле. Города, вошедшего в душу и сердце, навсегда изменившего жизнь и судьбу.

Мария Метлицкая

И, как ни странно, радость и боль были так тесно связаны с этим временем и этим городом, что прекрасно существовали. Радость и боль. Навсегда.

— Учиться в Москве? — удивилась она тогда. — Как это, папа? Уехать из Братиславы на целых пять лет? Уехать из дома, от вас?

Алона расплакалась.

— Нет, ни за что! Что вы такое придумали?

Она плакала и качала головой: мол, и не уговаривайте!

— Зачем мне это «прекрасное образование и потрясающая перспектива»? А что, здесь, дома, я не смогу получить хорошее образование? Советский диплом больше ценится? Ну и черт с ним! — кричала она. — Значит, мой, чехословацкий, будет цениться меньше! Зато я буду дома, рядом со своими близкими и друзьями! И, папа, прошу тебя: закрой эту тему. Ни в какую Москву я не поеду!

Скандал был страшный. Следом заплакали мама и младшая сестра Дана. Все уговаривали отца забыть «эту дурацкую затею» и оставить девочку в покое. Но главным в семье был отец. Главным и упрямым — как осел, так говорила мама: если что вобьет в свою ослиную голову — ни за что не откажется.

Вечером, у себя в комнате, сестры снова ревели. Не включая света, обнявшись, сидели на диване и поочередно всхлипывали, ругая отца. Потом к ним зашла мама, села рядом и обняла дочек.

— Не делай трагедии, — сказала она, — отец хочет тебе добра! Да и потом: что тут плохого? Новая жизнь, новые впечатления! Говорят, Москва — красавица. Огромная, необъятная красавица! А театры, выставки, культурная жизнь? Сколько ребят мечтают учиться

Московский вальс

ся в Москве! Одна ты, дурочка, не можешь оторваться от старых привычек!

— Дом, семья, друзья — это ты называешь старыми привычками? А разве не это самое главное? Я думала, ты будешь за меня! — с обидой сказала Алона. — А ты, как всегда, на его стороне. И у тебя, как всегда, нет своего собственного мнения. Папа, папа! Как скажет папа. Как решит папа. Папа знает лучше... Мам, вы так хотите от меня избавиться? — всхлинула она.

— Ложитесь спать, — махнув рукой, вздохнула мама. — При чем тут «нет своего мнения»? Просто я с ним согласна! С дипломом Московского института нефтехимии тебя с радостью возьмут на хорошую должность. Русский у тебя замечательный. Знаешь, как ценится советское образование? Ты талантливый химик, а у нас химфакультет слабенький, тебе там будет неинтересно. Это твое будущее, Алонка! Да и вообще ты глупенькая: у тебя же будет полная свобода! Ты только представь — никакого отцовского надзора, никаких «домой до десяти», никаких запретов на косметику, короткие юбки и челку до бровей!

Мама лукаво улыбнулась.

— Не знаю, лично я бы... — Она оглянулась на дверь и перешла на шепот: — Такой шанс ни за что бы не упустила! Учиться в Москве... — мечтательно повторила она. — Только дурочка может отказаться от этого! Да и потом, ты не будешь одна: там большое чехословацкое землячество, куча твоих соотечественников — умных и перспективных ребят. Там и найдешь жениха, не сомневаюсь!

Мама хихикнула, снова посмотрев на дверь.

Мария Метлицкая

— Кафе, танцевальные вечера... Музеи, театры, Алонка! А Ленинград? Эрмитаж, Русский! Ты же всегда интересовалась русской историей! А просторы, дочка! Сядешь в поезд — и едешь! Неделю, две, а страна не кончается!

— Ладно, ты просто подумай. А там разберемся. Все, по местам: время двенадцать.

Девочки молчали. Нарушила молчанье младшая Дана.

— А ведь правда, Алонка! — вдруг сказала она. — Я к тебе буду приезжать. А на каникулы будешь приезжать ты! И папа не будет над тобой командовать. — Дана громко вздохнула. — И вся его опека перейдет на меня... Меня бы он ни за что не отпустил: я не такая, как ты.

— А какая я? — удивилась Алона.

— Тебе доверяют. Ты скромница. На танцы не бегашь, с мальчиками не встречаешься. Отличница, спортсменка. В общем, ты кругом положительная, Алонка! К тебе и придаться не с чем. Папа всегда говорит: бери пример с сестры. Думаешь, приятно?

Алона улыбнулась:

— А ты, оказывается, обижалась... На что, Данка? Я же не специально хорошо училась, просто мне было интересно. И математика интересна, и история, и литература. Но больше всего химия. А на мальчиков не заглядывалась, потому что...

Она вдруг замолчала, а потом выпалила:

— Да потому что комплексовала! Я выше всех в классе: то шваброй обзывали, то пожарной каланчой, то телебашней. Вот и... — Она махнула рукой. — К тому же отличница, а значит — выскочка...

Дана слушала сестру с изумлением.

Московский вальс

— А я тебе завидовала, — продолжала Алона. — Ты симпатичная, изящная, невысокая. Ты кокетливая, остроумная, всегда можешь ответить. Не то что я: вечно теряюсь... Смущаюсь, краснею, вжимаю голову в плечи — и только бы проскочить, скорее проскочить и выбежать на улицу...

Алона смотрела в темное окно и не ждала никакого ответа.

— А может, папа прав? — сказала она, подумав. — Вдруг я избавлюсь от своих комплексов? Поступлю в институтскую баскетбольную команду и буду как все, а? Еще и наглой стану, надменной! Подбородок кверху — и никого не вижу, а? И меня зауважают.

— Да тебя и так зауважают, глупая! Ты умная и красивая. У тебя же ноги от ушей! Синие глаза и черные волосы... Ты начитанная и воспитанная — словом, достойный представитель своей страны! — засмеялась Дана. — Ну, что ты вылупилась? Что глазами хлопаешь? Да, ты представитель своей страны и должна этим гордиться! Ты едешь представлять Чехословакию! И за тебя, Алонка, не стыдно! Потом привезешь красный диплом — и страна будет тобой гордиться. Ну правда, не таких же, как я, посылать! Такие, как я, — усмехнулась Дана, — в первую очередь узнают адреса близлежащих баров, дискотек и прочих зланных мест. Закрутят романы, начнут прогуливать лекции, курить в туалетах и заваливать сессии... В общем, езжай, сестричка, езжай. Благословляю! И не забудь: на Рождество я у тебя! Это не обсуждается!

— Разные ее девочки, — вздыхала пани Ковачова, — как от разных родителей. Старшая, Алона, с рождения была ангелом. Не ребенок — подарок Божий!

Мария Метлицкая

А как младшая, Данка, родилась, так вместе с ней родились проблемы, тревога, беспокойство, неловкость и даже стыд. Данка дралась, отнимала игрушки, кидалась песком детям в глаза. Завидев ее, мамы хватали малышку и убегали с детской площадки.

— Пани Ковачова! Пани Эва! — несло со всех сторон. — Да успокой ты своего чертенка! Пани! Ваша Дана сломала любимую дочкину куклу! Эй, мадам! Это не ваш ребенок в синей куртке? Не ребенок, а дьявол какой-то! Вы бы сходили к святому отцу!

Пани Ковачова хватала младшую дочь и убегала домой.

Дома давала волю слезам. За что ее наказал Господь? За какие грехи? Ведь они с мужем образцовая семья — ни скандалов, ни пьянок, ни измен. Первая дочь — золото, а вторая... Дерется, плохо ест, ломает игрушки. Орет и скандалит: попробуй зайди с ней в магазин! Причем в любой — продуктовый, одежный, не говоря об игрушечном! Истерики везде. Хочу то, купи это, ты жадина! Может и на пол упасть, и ногами засучить — типичная истеричка. Люди оборачиваются и качают головами. А ей, маме, стыдно, боже, как же ей стыдно.... Вот и бежит она опрометью, только б исчезнуть.

А мужу не жалуется, не говорит. Заранее знает его ответ: сама виновата, избаловала.

Вечером, узнав об очередном Данкином поступке, сам начнет читать лекции, а бубнить он может часами. Дочка зевает, канючит, еле стоит на ногах — что с нее взять, ребенок! А он — бу-бу-бу, да еще за руку дергает, мол, стой и слушай! Я из тебя человека сделаю! Бери пример со старшей сестры!

Московский вальс

— Алона! — кричит он. — Алона, где ты застряла?

Алона появляется через три минуты, но отец доволен.

— Где ты застряла? — повторяет он. — Ты что, голец за смертью?

— Уроки делала, — лепечет Алона, — математику.

— Подождет твоя математика! — злится отец. — Сестрой займись! Мать уже с ног падает, а этой хоть бы хны! Бери ее и втолковывай, что надо делать, чтобы стать человеком! Совсем распустилась!

— Пап, да она маленькая, — отвечает Алона. — Что она понимает!

— Что понимает? — Отец взбешен. — Она что у нас, дебильная? Тогда на учет — и в специнтернат! Поняли? — Он обводит глазами жену, старшую дочь и напоследок младшую. — А ей, похоже, все равно, посмотрите на ее наглую физиономию!

Дане действительно было все равно: ну, побурчит отец и перестанет. Ну, лишит сладкого. Алона все равно принесет. И мама супом накормит, еда к наказанию отношения не имеет. А не накормит — опять же потихоньку принесет сестра. Сэндвич с колбаской, кусок курочки, помидорку...

А конфеты и печенье есть у них к комнате, в тайнике. А тайник в пианино. Это придумала Дана. Алона тогда удивилась — она, мол, ни за что бы не догадалась! А все просто: открываешь широкую нижнюю крышку (там, где педали) — и прячешь что хочешь.

Туда же, по соседству с печеньем и конфетами, отправился и старый папин ремень, которым иногда, если не видела мама, папа шлепал младшую дочь. Ремень был старый и вытертый, мягкий, как тряпка, к

Мария Метлицкая

тому же без пряжки: пряжка была утеряна, но все равно было обидно, когда папа приступал к экзекуции. Правда, и экзекуция не очень-то удавалась — Дана петляла по квартире, как заяц, а потом пряталась за диваном, попробуй достань!

А вообще-то с папой старались не связываться. Как начнет читать лекции! Бу-бу-бу, бу-бу-бу. Уснуть можно. Папа был занудой, но человеком хорошим: как все говорили — все для семьи.

И семья их считалась положительной и даже образцовой. Мама — хозяйка и чистюля, папа — на приличной должности и при высокой зарплате. Дача, машина, девочки прекрасно одеты. В отпуск ездят на море, по выходным за город — в гости к бабушке. Мама нарядная, красивая, в узких брючках и светлой кофточке, в руках корзинка с провизией, прикрытая накрахмаленной салфеткой. А из-под салфетки вырывается запах — замечательный запах теплого пирога со сливой из бабулиного сада.

Машина у папы блестит, переливается — нежно-голубая, ни пылиночки, ни царапинки: папа следит за машиной, полирует ее бархатной тряпочкой. И девочки чистенькие, глаз радуется, даже старенькие соседushки на лавочке перешептываются: сестры-то — в одинаковых платьицах, с большими бантами в косах, в лаковых туфельках! Куколки, а не девочки! Пани Ковачова вежливая, милая, всегда поздоровается, спросит про здоровье. А пан Ковачов — молчаливый, можно сказать, нелюбезный. Оно и понятно — начальник!

Бабуля жила в Смоленицах, недалеко от старинного Смоленицкого замка. Вокруг Карпаты, и воздух такой, что, выйдя из машины, мама замирает и закрывает глаза. Наслаждается.

Московский вальс

К бабуле ездят с ночевкой, хоть папа и бурчит, что спать надо в своей постели. Мама делает «страшные» глаза и цыкает на папу. И тот, как ни странно, смиряется: бабуля для мамы святое.

Пани Ковачова, для своих Эва, считала себя женщиной счастливой. Да и кто может возразить? Трехкомнатная квартира в хорошем районе Ружинове, машина, бабушкин дом в Смоленицах, который для них просто дача. Муж человек строгий, но порядочный: не гуляка и не пьяница, хороший отец. Ну а две девочки, Алона и Дана, ее главное счастье. Младшенькая, Данка, конечно, непростой ребенок — непослушный и слишком активный, но разве от этого она перестает быть любимой? К тому же Бог наградил старшенькой: вот, кто точно был ангелом! И глупо просить у Господа двух ангелов — ей, Эве Ковачовой, и так досталось с лихвой.

У мужа был сложный характер. А у кого он легкий? Эва таких не встречала. Зато человек он ответственный, а для мужчины это самое важное. Да и ко всем можно приноровиться, к самым сложным и непредсказуемым людям, считала она. Но при одном условии: если есть *ради чего*.

А у нее, Эвы Ковачовой, это *ради чего*, безусловно, было.

* * *

«Значит, все решено, — думала Алона. — Все решено за меня. Меня не спросили, преподнесли как факт: ты едешь в Москву».

А разве она не взрослый человек? Разве она не может, не должна принять участие в обсуждении? Это же важно! И это касается именно ее, а не кого-то

другого. Выходит, что ее мнение не имеет никакого значения? Получается, так...

Все эти знакомые фразы — «папа знает лучше», «мы прожили жизнь», «своим детям мы желаем только добра», «потом ты скажешь спасибо» — она слышала часто. Но все предыдущие родительские решения были не очень-то важными, они не меняли Алону жизнь, не поворачивали ее на сто восемьдесят градусов, поэтому она легко принимала то, что требовали родители, и в споры старалась не вступать.

Например — перевестись в другую, лучшую школу, пусть и добираться до нее на сорок минут дольше. Или поехать летом в спортивный лагерь, хотя она рассчитывала на море с родителями... Или купить на зиму не легкую модную куртку, а теплую длинную дубленку, которой, по утверждению мамы, сноса не будет. А в дубленке она выглядит как взрослая женщина, и длинная, до середины голени, дубленка только удлиняла и без того высокую девочку.

Но глупо было спорить и обижаться: дубленка стоила кучу денег и была в три раза дороже короткой модной куртки.

На день рождения ей подарили портфель. Черный, из натуральной кожи, на золотых замках. С такими ходили солидные министерские дяди — зачем ей, выпускнице, дорогой и пафосный, бросающийся в глаза, портфель? Одноклассницы носили яркие легкие сумки, рюкзаки или пакеты с учебниками. Портфель оттягивал руку, и Алона шла в школу как на эшафот. Больше всего ей хотелось провалиться сквозь землю.

Алона видела, какими насмешливыми взглядами ее провожают одноклассники, и в этот момент ей хотелось зашвырнуть дорогой и блестящий черный порт-

Московский вальс

фель подальше, да хоть за забор. Или за облака: чтобы он летел, крутился в воздухе, а потом свалился в кучу вонючего тухлого мусора. Может, сделать вид, что она его потеряла? Или что украли? А что, это мысль! Но как неудобно перед родителями, которые потратили кучу денег...

Но с того дня появилась мечта: чтобы портфель действительно украли, банально сперли.

И Алона небрежно швыряла портфель на подоконник, на скамейки, но портфель никому не был нужен — никто на него не зарился.

— На черта ты носишь такую тяжесть? — как-то спросила ее одноклассница.

— Папа подарил, — тихо ответила Алона.

Одноклассница пожала плечом:

— Ну и что? Тебе же неудобно, а не ему! Скажи, что тяжело таскать, и вообще, он какой-то... — одноклассница на минуту задумалась. — Неуместный. Даже мальчишки с такими не ходят! Оставь его, возьми легкую сумку. Сейчас модно холщовые, как у меня!

И она похлопала свою легкую серую полотняную сумку.

— Папа обидится, — вздохнула Алона. — Он же хотел как лучше.

Одноклассница смотрела на нее с сожалением.

— Ну-ну, — сказала она. — Ты и дальше будешь слушаться папу?

Алона пожала плечами.

— Ну ты и дура! — засмеялась одноклассница и пошла прочь.

С того дня Алона стала ей неинтересна.

Впрочем, и всем остальным она тоже была неинтересна. Молчаливая скромница, отличница — что там

Мария Метлицкая

у нее в голове? На вечеринки не ходит, танцами не увлекается, на переменах застывает с книгой. На заднем дворе не курит, и парни ее не интересуют, да и одевается странно, не как современные девчонки. В школу ее подвозит папаша — видно, тот еще чувак: в строгом черном костюме и всегда при галстукe, наверняка какой-то чиновник.

Дома у нее никто не был. День рождения у Ковачовой летом, так что никому побывать у нее не довелось.

Вот младшая сестра у нее вроде нормальная, симпатичная, бегают на переменках, ржет во весь рот. А старшая ее, беднягу, отлавливает, хватая за руку и начинает отчитывать. Шепчет что-то, а сама красная, как сваренный рак. Стыдно ей за сестру. А чего стыдного? Вся малышня на переменах носится как ужаленная, все орут, тоже мне событие!

Да, странная эта Ковачова. Вроде и симпатичная, синеглазая, волосы красивые, черные, с отливом. Носик милый, вздернутый, с конопушками. Ротик бантиком, брови как нарисованные, но все равно желающих на нее нет. Потому что странная. Непонятная. Пресная. А зачем непонятные, когда есть куча понятных?

«Чего я боюсь? — спрашивала себя Алона. — По русскому я в классе лучшая».

Да нет, все понятно: кто б не боялся? Чужая страна, чужой язык. Как ее примет Москва? Говорят, люди там нетерпеливые, хамоватые и вечно куда-то спешат. Это нормально — большой город, большие расстояния, всем надо успеть. Да и с продуктами там непросто, Алона слышала, что за всем жуткие очереди. Правда, в институте есть столовая, и, говорят, хорошая. Но Алона не привыкла есть в общепите.

Московский вальс

Еще говорят, что иностранные студенты могут посещать магазин при посольстве и покупать знакомые продукты. Кажется, пару раз в месяц, но это не точно.

А готовить эти самые знакомые продукты? Алона не умеет готовить, совсем не умеет, потому что всегда готовила мама.

Но не это волнует ее, не еда. Говорят, что иностранца селят к советским студентам — ну да, дружба народов. К тому же иностранный студент быстрее учится русскому языку, а он сложный, хоть и есть в словацком и чешском знакомые слова. Да, еще ведь курсы и дополнительные занятия по русскому...

А еще говорят, что у них очень дружное землячество: ребята помогают девочкам, не оставляют новичков, и вообще все не так страшно.

Зачем она так удачно написала ту самую конкурсную работу по химии, после которой ее признали самой сильной ученицей города? Наверное, это и сыграло роль в предложении об учебе в Москве... Ни одной ошибки, нестандартное решение сложных задач. Вот ошиблась бы пару раз, напортачила, и ничего бы этого не было... Но разве она знала о последствиях? И разве могла написать по-другому?

Оказалось, что в Москву едут еще два соотечественника, парень и девушка: девушка едет поступать в театральный (по слухам, у нее необыкновенные способности), а парень — художник и едет учиться в главном художественном училище Москвы. Может, подружатся? Будут хоть два знакомых человека, два земляка...

Поезд отходил вечером.

Провожали Алону всей семьей. Данка хлюпала носом, терла красные от слез глаза и бросала на родителей ненавидящие взгляды.